

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Авилов Р.С.

ИЗ ИСТОРИИ ОХОТНИЧЬИХ КОМАНД В ПРИАМУРСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ

Охотники – это глаза, уши и отборные руки воинской части.
Воинская часть без разведчиков – это слепой и глухой человек.
Поручик Веселовский. 1897 г.

От солдата на войне требуется выполнение приказа. Однако, для проведения операций особой сложности вызывались люди, умевшие не только хорошо воевать, но и хорошо думать, быстро принимать в бою правильное решение. Для выполнения таких заданий создавались отряды добровольцев – солдат, имевших «охоту», т.е. желание их выполнить. Формируемые по необходимости, они использовались уже в Крымскую войну 1853 – 1856 гг., а солдат этих называли «охотниками».

К середине 80-х гг. XIX в. назрела необходимость официального учреждения охотничьих команд. Созданы они были Высочайшим повелением от 21 октября 1886 г. Цель – «в каждой отдельной части войск пехоты и кавалерии иметь некоторое число людей, заблаговременно подготовленных соответствующими упражнениями к исполнению в военное время отдельных поручений, соединенных с особой опасностью и требующих личной находчивости». Людей этих разрешалось «собирать ... в особые при каждой отдельной части войск *охотничьи* команды».

Команда должна была составлять не более четырех человек на роту, эскадрон, сотню или батарею. Ее состав, время сбора и порядок занятий определялись начальниками дивизий или лицами, равными им по власти, а с 1904 г. и командирами частей.

Для приобретения охотничьим командам ружей, снаряжения, собак и других необходимых аксессуаров из хозяйственных сумм соответствующих частей войск разрешалось произвести «единовременный расход в мере надобности, не более: 500 р. на полк, 200 р. на отдельный батальон и 100 р. на местную команду и батарею».

Времени на специальную подготовку охотникам не отводилось, а заниматься ей полагалось в дни свободные от общих занятий: по субботам, праздникам и в иное, «предоставленное для вольных работ», время [1]. Это не отвечало требованиям подготовки личного состава, так как не позволяло проводить занятия систематически и в нужном объеме, и, более того, сразу вызывало отрицательное отношение у солдат, как всякое мероприятие, отнимающее положенное им по уставу свободное время.

Положение дел было исправлено в 1891 г. циркуляром Главного Штаба за № 202, когда для занятий охотников было отведено два дня в неделю. Предполагалось также облегчить им несение караульной службы, предоставить начальнику команды верховую лошадь, а самой команде, на время «экскурсий», придавать артельную повозку, что позволило бы повысить их длительность [7, 101].

В 1892 г. для охотников были введены нашивки на рукава из светло-зеленого сукна, позволявшие легко отличать их от простых солдат, и дано право на производство лучшего из охотников за «высокие охотничьи качества», в унтер-офицеры сверх штата, без прохождения учебного курса команды [2]. После Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. срок службы для выслуги права на производство в унтер-офицеры нижних чинов охотничьих команд был сокращен до одного года [3].

По официальным данным, «охотничьи команды были последовательно внедрены во всех соответствующих частях войск...». Предоставленные в военное министерство сведения позволили сделать выводы о том, что, во-первых, «войска правильно усвоили ... конечную цель образования охотников», во-вторых, «большинство частей войск не усматривает необходимости постоянного обособления команд и выделения их как в казармах, так и при упражнениях в поле. Меньшинство же, увлекаясь стремлением дать охотникам наилучшее образование, доходит до желания содержать их в виде отдельной команды постоянно, в течение целого года». В-третьих, «система занятий с охотниками вообще и выбор специальных для них упражнений весьма разнообразны». При этом особо отмечалось, что «наиболее правильно является подготовка обучения в тех частях войск, в которых, не придавая исключительного значения ни одному из упражнений в отдельности, преследуют лишь цель подготовки людей к исполнению ими отдельных и трудных поручений. Только лишь при такой подготовке, наши войска, при соприкосновении с неприятелем, прикрываясь охотниками и будучи сами обеспечены от всяких случайностей, не дадут неприятелю возможности разяснить обстановку» [9, 90].

Команды охотников «должны быть избираемы из энергичных, сильных, ловких, искусных в стрельбе (а в кавалерии – в езде), и вообще из наиболее способных к достижению указанной выше цели» [1].

Основы подготовки охотничьих команд регулировались документами, поступающими из Военного министерства. Непосредственной же подготовкой каждой команды руководил ее начальник – особо назначенный офицер с правами ротного командира, под наблюдением командира соответствующей воинской части [1]. Главное – «приучение нижних чинов к выполнению особо опасных и трудных личных поручений в военное время, практикуясь в выносливости, смелости и находчивости, делая значительные переходы с упражнениями в изучении местности и разведывании, как днем, так и ночью» [5, 702, 1, 147 (ч. 2), 74]. Каждая часть должна была ежегодно представлять отчет «о принятом порядке образования охотников и об успехах, достигнутых специальными их занятиями» [1].

Кроме общего курса военных занятий охотники должны были получать специальные навыки. Это: «разведывание местности, совершение больших и быстрых переходов, ближняя разведка неприятеля, бег на лыжах, саперное дело, устройство переправ, подготовка войсковых собак для строевой службы, кроме того, в пехоте охота на хищных зверей, а в кавалерии – псовая охота верхом» [8, 237]. Командир охотничьей команды должен был уделять внимание и физическому, и «нравственному» развитию охотника, т.е. повышать уровень его интеллектуального развития. Первое достигалось «гимнастикой» (т.е. физическими упражнениями), фехтованием, стрельбой и длительными походами по пересеченной и незнакомой местности, которые были наиболее эффективной формой подготовки, так как позволяли совмещать физические нагрузки, стрельбу (охота), приобретение знаний в области топографии и т.д. Второе – специальными теоретическими и практическими занятиями, а так же постоянными беседами [7, 103].

Охотники участвовали в проводящихся в своих частях учениях, но наибольшую пользу для обучения команд приносило выполнение в мирное время боевых задач и «особых поручений». Именно здесь проявлялось различие в подготовке охотников в европейских военных округах, где ставить боевые задачи в мирное время было проблематично, и азиатских, где такие задачи ими действительно решались.

Одно из таких заданий в период с января по февраль 1891 г. выполнила охотничья команда 9-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона, дислоцировавшегося в ур. Новокиевском Приморской области и входившего в состав 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады. Под командованием поручика Петрова она была послана «для разыскания нижних чинов 2-й Уссурийской конной сотни, отлучившихся за границу и оттуда не возвратившихся». Сотня квартировала в Хунчунском посту, стратегически важном пункте на сухопутной границе с Китаем.

Во время этой поисковой операции охотникам «приходилось не спать несколько ночей кряду, делать усиленные переходы и окарауливать своих товарищей». Благодаря энергии и распорядительности поручика Петрова, а так же хорошей подготовке охотников, команда «напала на след без вести пропавших, и обнаружила, что разыскиваемые нижние чины убиты в фанзе, которая затем, для сокрытия следов преступления, была сожжена».

По донесению военного губернатора Приморской области П.Ф. Унтербергера, Командующий войсками Приамурского военного округа А.Н. Корф в приказе по войскам округа от 15 февраля 1891 г. за № 31 писал: «за отличную распорядительность и энергические действия Поручика Петрова мне приятно объявить ему мою благодарность, нижним же чинам за их рвение и примерное усердие при исполнении означенной командировки, ... объявляю душевное спасибо; кроме того, предписываю выдать из сумм, находящихся в моем распоряжении, ефрейторам Николаенко и Исаеву по 10 и остальным восьми стрелкам по 5 руб. каждому. Делая вышеизложенное [известным – А.Р.С.] всем войскам вверенного мне округа, я вполне убежден, что охотничьи команды и в остальных частях прочно организованы и настолько основательно подготовлены, что в военное время выпадающие на их долю поручения, требующие личной находчивости и соединенные с опасностью, будут всегда выполняться с таким же успехом, как это было изложено в настоящем случае» [9, 702, 1, 147 (ч. 1), 39 – 39 об.]

Огромную роль в обучении команд играли продолжительные походы по пересеченной местности – «прогулки» или «экскурсии», как их тогда называли. Ряд таких мероприятий провели летом-осенью 1890 г. в 4-м Восточно-Сибирском линейном батальоне, дислоцировавшемся в г. Троицкосавске Забайкальской области. «Целью предпринятых прогулок были: упражнение и испытание людей в выносливости, быстром ориентировании: в лесу днем и ночью, способности собирать сведения о дороге и исследование местности днем и ночью», а «выбор маршрута обуславливался желанием упражнять команду в форсированных маршах по местности наиболее лесистой и гористой и, по возможности, без дорог».

Одна из «прогулок» продолжалась 25 дней – с 18 августа по 13 сентября. Она была тщательно подготовлена, так как обстановка должна была быть максимально приближена к боевой, а жизнь и здоровье нижних чинов нужно было беречь. Поэтому команду на протяжении похода сопровождал старший врач 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона надворный советник Седыгин. «Имея ввиду суровость климата в горах и тайгах Забайкалья, нижние чины имели при себе, кроме шинелей и полушубки, вместо сапог были взяты чиги и волосяные чулки». Продовольственный запас был рассчитан на 10 дней, «исключительно на случай движения по безлюдной тайге». При этом, «запас мяса, сухарей и прочих продуктов был выдан людям на руки, так что общий вес носки каждого охотника равнялся 1 п[уд] 24 ф[унта]». Таким образом, люди получали дополнительную нагрузку более 26 кг, так как при них находилось

еще и оружие, а «полушубки, офицерские вещи и прочая утварь были сложены на ротную двуколку местного крестьянского типа».

Команда под непосредственным начальством подпоручика Волина, состояла из 16 человек, для которых это мероприятие стало настоящим экзаменом, и выдержали они его с честью. «Команда прошла около 700 верст, в том числе около 200 верст по тайге без дорог, по тундре и валежнику». Впереди всегда шел патруль из четырех человек, выступавших с места ночлега на полчаса раньше остальных. В его задачи входила разведка дорог, переправ, поиск мест, пригодных для охоты и ночлега. «Команда делала в среднем около 45 верст в день, без особого напряжения сил, и вступала на ночлег всегда бодрой и с песнями, один переход был даже в 60 верст: в этот день команда выступила в 6 ч. утра и пришла на ночлег в 8 ч. вечера, имея большой привал около 2-х ч. и совершила две переправы в брод, через две реки». Пища охотников состояла из хлеба и мяса добытого охотой, которая при этом являлась прекрасной тренировкой для солдат в ловкости, бесшумном передвижении, меткой стрельбе по чуткой и осторожной цели. Чай пили 3-4 раза в день.

В Троицкосавск команда возвратилась «совершенно бодрой и здоровой; случаев заболевания не было во все время прогулки», что говорит как о качестве отбора и подготовки людей, так и о должном уровне организации самого мероприятия [5, 702, 1, 147 (ч. 1), 73 – 73 об.].

А.Н. Корф остался доволен «экскурсией»: «За такую правильную постановку обучения охотничьей команды 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона и соответственный выбор людей, объявляю мою благодарность Командующему войсками Забайкальской области, Генерал-Майору Хорошину, Командиру батальона полковнику Соимонову, Командиру 2-й роты Капитану Баклевскому, бывшему начальнику команды поручику Волину и старшему врачу Надворному Советнику Седыгину; нижним же чинам команды – объявляю мое сердечное спасибо».

Он поставил это в пример охотничьим командам остальных частей округа и приказал командующим войсками трех областей, входящих в его состав, Южно-Уссурийского отдела, коменданту крепости Владивосток и Начальнику войск острова Сахалина представить «по этому вопросу свои предположения к 1-му июля» 1891 г. [5, 702, 1, 147 (ч. 2), 73 – 74].

История охотничьих команд отражает роль войск в жизни Приамурского генерал-губернаторства. Военным часто приходилось иметь дело с «гражданским ведомством», оказывая ему помощь. Ведь здесь его нужды чаще, чем в других регионах страны, совпадали с военно-стратегическими интересами. К подобным вопросам относилось и заселение обширной территории генерал-губернаторства, где наличие русского населения было фактором стратегическим: для военных увеличение населения означало рост в крае числа военнообязанных, количества лошадей, а так же производства продуктов питания и фуража.

«Своеобразие здешнего края вызывает некоторые своеобразные приемы в боевых действиях и обучении войск. При громадности незаселенных и диких пространств, неисследовании местностей, трудной доступности тайги и трудности вообще сообщений, прекращающихся совсем от разливов рек, внезапных порч троп, распутицы, от стуж и метелей, во время действий войск, отрядам придется нередко высылать в стороны мелкие разведочные партии, которые должны быть опыты в рекогносцировках местностей здешнего характера и должны быть готовы к тому, что случайности надолго задержат их отрезанными, предоставленными самим себе, в смысле как действий, так продовольствия и быта. В виду этого в войсках Приамурского военного округа соответствующая практика охотничьих команд получает важное значение», – писал в приказе по войскам округа от 10 января 1894 г. за № 3 С.М. Духовской.

Речь шла об оказании помощи в подготовке казачьего и крестьянского переселения в районы предполагаемого строительства «Графско-Хабаровской железной дороги». Ситуация осложнялась тем, что «местность между течением реки Уссури, с запада, и берегом Японского моря, с востока, весьма мало известна. Нанесенные ныне на карты общие географические очертания ея подлежат капитальной проверке. Между тем для железно-дорожных работ и водворения поселений нужны некоторые сведения неотлагательно...»

Выполнение такого объема работ гражданским службам в столь сжатые сроки было не под силу. И это при том, что на территории Приамурского генерал-губернаторства уже не первый год работали чины Военно-топографического отдела и межевого отделения Министерства земледелия и государственных имуществ.

Проектируемая железная дорога имела стратегическое значение было и «признано необходимым ныне же, помощью охотничьих команд произвести исследование Уссурийского края, с таким соображением, чтобы возможно скорее получить сведения, полезные для железнодорожного и переселенческого дела. ... Поручение это должно быть исполнено в два лета: летом нынешнего года исследовать западную часть Уссурийского края, в будущем 1895 г. – восточную».

Чины Военно-топографического отдела должны были летом 1894 г. продолжать инструментальную съемку местности «вдоль Восточного берега реки Уссури, между поселками Венюковским и Буссе». При этом, «занятия военно-топографические должны быть связаны с занятиями охотничьих команд. Такая же связь должна быть установлена и с работами, уже исполненными топографами в прошлом 1893 году между г. Хабаровском и пос. Венюковым в смысле, чтобы команда получила от военно-топог-

рафического отдела данные для своих глазомерных съемок, и чтобы глазомерные съемки и другие работы команд доставили данные, полезные для постановки топографических работ на будущее время» [5, 702, 5, 506, 27 – 27а об.].

Это был первый на Дальнем Востоке опыт столь масштабного применения охотничьих команд в мирное время. Проводимая работа регламентировалась «Инструкцией для занятий охотничьих команд 1-й и 2-й Восточно-Сибирских стрелковых бригад, командировавшихся в северный и средний районы Уссурийского края в 1894 г.», утвержденной С.М. Духовским 10 января 1894 г., к которой была приложена специальная «Программа для составления описаний».

Мероприятие преследовало пять основных целей. Во-первых, «ознакомление с местностью в географическом отношении, со снятием назначенных участков глазомерной съемкой, в масштабе 1 [верста] в дюйме, причем съемки должны находиться в связи: с военно-топографическими работами, как исполненными, так и имеющими быть исполненными в 1894 г., а равно и с разведочными работами по постройке Уссурийской железной дороги».

Во-вторых, «выяснение экономических условий исследуемых районов в отношении удобств для хлебопашества и других отраслей сельского хозяйства, а равно и для разных промыслов. Указание участков наиболее удобных для водворения населения и определение числа семей, которые можно будет разместить на этих участках, считая по одной квадратной версте на каждую семью».

В-третьих, «исследование имеющихся водяных и сухопутных путей сообщения, а равно и направлений, удобных для проложения путей в будущем: к морскому берегу и для связи долины рек: Хор, Бикин и Иман».

Четвертая и пятая цели имели стратегическое значение. Это «исследование назначенных районов в военном отношении, в смысле выяснения условий, могущих иметь значение для проведения железной дороги, а также выяснений условий местности для партизанских действий» и «представление практики Начальникам охотничьих команд в самостоятельных распоряжениях по ведению военных разведок и устройству хозяйственной части в вверенных им охотничьих командах, а равно приучение нижних чинов к умелому выполнению поручений, могущих быть возложенными на них в военное время».

Работы должны были выполнять 10 охотничьих команд в составе 1 офицера и 16 нижних чинов каждая. Таким образом, в работах приняли участие охотничьи команды всех десяти Восточно-Сибирских стрелковых батальонов, дислоцировавшихся в Приамурском военном округе и входивших в состав 1-й и 2-й Восточно-Сибирских стрелковых бригад (по 5 в каждой). При командах надлежало иметь «по одному проводнику и переводчику, соединяя последних, по возможности, в одном лице».

Выставляемые от одной бригады охотничьи команды образовывали группу под общим начальством офицеров Генерального штаба: в 1-й бригаде подполковника А.Л. Бельковича, во 2-й подполковника В.А. Альфтана.

Это были опытнейшие офицеры Генерального штаба. Леонид Николаевич Белькович был переведен на службу в Приамурский военный округ в 1893 г, где получил должность штаб-офицера при управлении 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады. В дальнейшем ему неоднократно приходилось служить в Сибири и на Дальнем Востоке [6, 30].

Владимир Алексеевич Альфтан в 1893 г. был произведен в подполковники и назначен на должность штаб-офицера для поручений при командующем войсками Южно-Уссурийского отдела. В 1895 г. он занял должность старшего адъютанта канцелярии при военном губернаторе Приморской области, а в 1896 – 1897 гг. занимал должность старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа. Дальнейшая его служба не была связана с «дальневосточной окраиной» [6, 13 – 14].

Опорными базами для работ команд должны были стать населенные пункты по р. Уссури и, отчасти, по р. Амур. В них должно было быть заранее заготовлено все необходимое для похода. Так же надлежало учредить особые опорные пункты «внутри исследуемых территорий».

Для ведения работ надлежало «каждую команду снабдить: одной буссолью Стефана, двумя термометрами Реомюра, одним anerоидом и чертежными и письменными материалами для производства съемки...»

По окончании работ команды должны были предоставить: описание «пройденной местности в географическом отношении; экономических условий исследованной местности и удобств для заселения; путей сообщения и военного значения района», журнал заполненный по особой форме, и результаты «глазомерной съемки пройденной местности, в масштабе 1 [верста] в дюйме». При этом, «все письменные и чертежные работы должны быть, по возможности, закончены в день прибытия каждой команды в конечный пункт, сосредоточены у руководителей групп и, по сведении их в общую работу, представлены в Штаб Южно-Уссурийского отдела, а отсюда – в Штаб округа».

Офицеры Генерального штаба должны были также составить «записки со своими выводами и заключениями» по первым четырем целям, поставленным командам. На их же плечи ложилась обязанность руководить работами начальников команд и объединять их действия «в смысле однообразия работ». На выполнение задач 1894 г. было выделено 8680 рублей.

«В будущем 1895 г. исследование Уссурийского края теми же охотничьими командами будет продолжаться с таким расчетом, чтобы дойти до берега моря, а потому во время работ нынешнего года должны быть отмечены как районы для каждой команды, так и удобные в сих места для устройства опорных

пунктов на время работ 1895 г., что и должно быть включено в упомянутые в предыдущем пункте отчеты» [5, 702, 5, 506, 28 – 28 об.].

Поставленная задача не могла быть в точности выполнена, – все предположения относительно изысканий делались по 40-верстной карте, которая, как оказалось, «во многом не сходится с местностью». Тем не менее, конечная цель экспедиции была достигнута: местность – изучена, земли для переселенцев – обнаружены, а полученный опыт позволил и впредь привлекать охотничьи команды к такого рода мероприятиям.

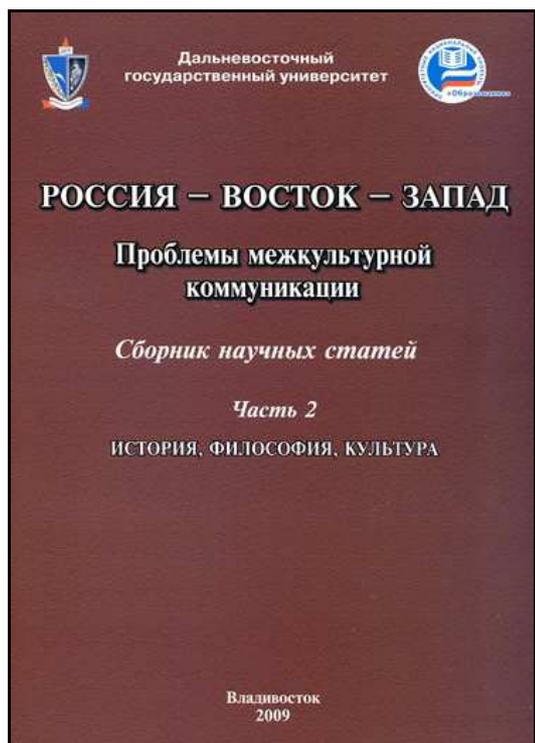
Команды охотников просуществовали в пехотных частях до 1908 г., когда Высочайшим повелением от 11 апреля им было присвоено наименование команд разведчиков, «как более отвечающее их назначению и службе в военное время» [4].

Подводя итог, следует отметить, что формирование, обучение и практическая подготовка охотничьих команд в Приамурском военном округе была поставлена на достаточно высоком уровне. Это объясняется рядом факторов. Во-первых, округ был пограничный и вероятность начала военного конфликта вблизи или непосредственно на его территории была значительно выше, чем во внутренних округах Европейской части России. Во-вторых, в связи с недостаточной для такого округа группировкой войск, отсутствием должной военно-транспортной инфраструктуры и слабой заселенностью территории охотники не «сидели без дела», им всегда находилось занятие. И, в-третьих, сама территория и тяжелый климат слабоизученного Приамурского военного округа способствовали высокой степени боевой подготовки охотников, ведь здесь «прогулки» и рекогносцировки можно было проводить на совершенно неисследованных территориях, а охоту вести на хищного и опасного зверя.

В дальнейшем, охотничьи команды войск Приамурского военного округа показали высокий уровень боевой подготовки во время Русско-японской войны 1904-1905 гг., где на их долю пришлось немало подвигов.

Источники и литература

1. Приказ по военному ведомству (ПВВ) № 260, 1886 г.
2. ПВВ № 192, 1892 г.
3. ПВВ № 202, 1907 г.
4. ПВВ № 182, 1908 г.
5. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 147 (ч. 1-2). – Оп. 5. – Д. 506.
6. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. : Библиографический словарь. – М.: Вост. лит., 2005. – 295 с.
7. Веселовский. Охотничьи команды // Военный сборник. Т. ССXXXV, СПб, 1897. – С. 100–118.
8. Военная энциклопедия. Т. 17. СПб.: Типография Т-ва. И.Д. Сытина, 1914. – 320 с.
9. Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича. 1881-1890. СПб.: Военная Типография, 1892. – 323 с.

Россия – Восток – Запад : Проблемы межкультурной коммуникации : сборник научных статей на основе докладов 4-й международной научной конференции, посвященной Году русского языка в Китае и 110-летию образования ДВГУ, Владивосток, 2 – 4 марта 2009 г. В 2 Ч. II. История, философия, культура. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 376 с.